

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 392,6 (27)

ЖЕНЩИНА И ЖЕНСКОЕ В ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ (ДО И ПОСЛЕ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ XIX ВЕКА)

3.3. Мухина, Н.Л. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 119991, Москва, Ленинский просп., 32а
pushkarev@mail.ru

Рассматривается относительно мало затронутая в литературе область интимной жизни крестьянской женщины. Главное внимание уделено влиянию на данную область социальных отношений реалий пореформенного периода. Обращается внимание на многообразные формы социально-девиантного поведения русской крестьянки, расшатывавшие патриархальные устои.

Ключевые слова: женская история, гендерная этнография, русская крестьянка, традиция, сексуальная культура.

Тема пола и сексуальности мало затронута в дореволюционной и советской историографии, и главная причина тому – цензурные соображения. Среди дореволюционных историков можно отметить С.С. Шашкова [*Шашков*, 1879] и А. Смирнова [*Смирнов*, 1877], которые худо-бедно коснулись этой темы. Можно назвать и иных исследователей, прежде всего русских дореволюционных этнографов, чьи избранные публикации на эту тему, с немалым трудом выявленные в библиотеках, были собраны 15 лет назад в специальном издании [«А се грехи...», 2004].

Очевидно, что из поля зрения ученых десятилетиями выпадал целый пласт народной жизни. Этот пласт в традиционной культуре не был, в конечном счете, ни запретным, ни постыдным. Русская сексуальная культура как понятие имеет неочечное значение – она лишь часть национальной культуры в целом. Важнейшие компоненты ее – установки и ценностные ориентации, в свете которых люди воспринимали и конструировали свое сексуальное поведение, – очевидно, влияли на социальные институты, в рамках которых протекала и регулировалась сексуальная жизнь (формы семьи, брака). Она включала сложные культурные знаки и символы, в которых осмысливалось сексуальное поведение. К ним относились и представления о природе половых различий, о значимости продолжения рода, нормативные запреты и предписания, регулирующие сексуальное поведение. Наконец, как в любой сексуальной культуре, в ней существовал целый спектр обрядов и обычаев, посредством которых оформлялись соответствующие действия (брачные обряды, инициации, а подчас и оргиастические праздники). Веками формировались и типичные для конкретного этноса структуры и формы (паттерны) сексуальных отношений и действий.

Осмысление всех этих аспектов русской сексуальной культуры – процесс, сопровождавший сексуальную революцию, которая обнаружила себя в России очень поздно, практически лишь в начале 1990-х гг. [Кон, 1995]. Тогда, в начале 1990-х гг., в московском издательстве «Ладомир» начали выходить книги серии «Русская потаенная литература», насчитывающей ныне уже несколько десятков томов: «Народные русские сказки не для печати» А.Н. Афанасьева [Афанасьев, 1997], русский эротический фольклор [Русский эротический..., 1995]; следом появились первые научные труды по этой теме [Анти-мир..., 1996; Секс..., 1996; Эрос..., 1999].

Выдающаяся роль в постановке самой проблемы культурологического изучения истории русской сексуальной культуры принадлежит, конечно, И.С. Кону [Кон, 1997а, 1997б], но немалую роль в исследовании сыграли и его ученики и последователи, филологи и историки: А.Л. Топорков [Топорков, 1991, 1995, 2008], Г.И. Кабакова [Кабакова, 2001], Н.Л. Пушкарева [Пушкарева, 1995, 1996, 1997, 2000, 2006, 2007, 2009, 2010].

И все же изучению интимной жизни именно женщин в русской деревне XIX столетия уделено не слишком много внимания [Безгин, 2004; 2010; 2011; Щербинин, 2003; Мухина, 2010, 2012 и др.]. Данный текст призван ликвидировать этот пробел. Авторы ставят задачу выяснить, как по-

влияти на данную область социальных (семейных и внесемейных межличностных) отношений реалии пореформенного периода. В качестве основного источника взяты материалы Архива Этнографического бюро (далее – ЭБ) князя В.Н. Тенишева, опубликованные в 2004–2008 гг. в десяти книгах под общим названием «Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы» (далее – РКЖБН), охватывающие губернии Центральной России и Русского Севера: Костромскую, Тверскую, Ярославскую, Калужскую, Нижегородскую, Вологодскую, Курскую, Московскую, Олонецкую, Псковскую, Санкт-Петербургскую и Тульскую), и книге «Быт великорусских крестьян-землепашцев» (Владимирская губерния) [Быт..., 1993]. В программе Императорского русского географического общества (ИРГО) по этнографии [Программа..., 1890] и в первой программе, составленной для сбора народных юридических обычаев под руководством Н.В. Калачева [Программа..., 1878], вопросы, касающиеся интимной жизни и сексуальности, вообще отсутствовали. Лишь во второй программе, разработанной под руководством знатока русского права и русской традиционной жизни С.В. Пахмана, этим вопросам было уделено некоторое внимание [Программа..., 1900].

Конечно, корреспонденты, собирая данные, не могли полно ответить на все вопросы. Даже то, что сохранилось (и что было записано ими), отличается крайней скудостью, фрагментарностью, а сопоставимые факты можно отыскать лишь в недрах этнографической, социологической, статистической и другой современной тем записям литературы. Ее извлечение является задачей дальнейших исследований. Мы же видим свою задачу в том, чтобы предложить выводы, напрашивающиеся после знакомства с собранными по программе В.Н. Тенишева фактами, составившими раздел «Сближение полов. Брак. Отклонение от законного брака», в котором обобщены более 70 вопросов по указанной проблеме [Быт..., 1993, с. 442–462]. Мы знаем, насколько жестко контролировался сбор информации корреспондентами ЭБ, которая должна была являть собой точные факты, по возможности, подкрепленные разного рода документами [РКЖБН 1, с. 7]. Поэтому материалы ЭБ – не только наиболее полный и систематизированный, но и уникальный по точности и достоверности источник информации о сексуальной жизни русского крестьянства на рубеже веков.

Специальным изучением этой стороны жизни русских крестьянок никто занимался, за исключением, пожалуй, В.Б. Безгина [Безгин, 2004, 2010], подтвердившего в своих исследованиях русской крестьянской повседневности некие общие положения, в частности, об отделенности сексуальности от репродуктивной функции в русских этических представлениях. И он, и другие авторы неустанно подчеркивали, что крестьянский мир отвергал чувственность как самоцель, а богатство сексуально-эротических отношений неизменно замещал хозяйственными нуждами и вопросами репродукции. В крестьянской традиции особенно чувствовалось, что телесные влечения и индивидуальные эротические переживания имели куда меньшую ценность, чем хозяйственная необходимость [Wogobec, 1990; Кон, 1997]. Нет, вероятно, ничего нового и в выводе о том, что в отличие от дворянской среды обсуждение интимных вопросов в крестьянской среде было хотя и ограниченным, но не табуированным. Полтора века тому назад взрослые и дети в русских крестьянских семьях обычно спали в одном помещении, и детали сексуальной жизни оказывались рано известны подросткам. Внебрачная сексуальность резко осуждалась. И именно эти положения постоянно повторяются в современных исследованиях, авторы которых осторожно касаются и истории сексуальной культуры [Громько, 1991, с. 96; Громько, Буганов, 2007, с. 342–343].

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что, по данным информаторов ЭБ, чувственная жизнь русской крестьянки медленно, но верно эволюционировала в сторону разнообразия и большей свободы, во всяком случае, в направлении свободы принятия решений. Первый тезис, который можно в связи с этим поставить под сомнение, – тезис о *повсеместности* (по всей России) осуждения в крестьянской среде добрачных связей, о жесткости и неотвратимости наказаний за утрату девственности до брака. О том, что это не совсем так, уже писалось в этнографической литературе [Семенов, 1996, с. 32–40], в том числе нами [Пушкарева, 1995, 2009, 2010; Мухина, 2010, 2012]. «Подночевки», посиделки «с продолжением», после которых девушки и парни ложились спать попарно, на что родители смотрели как на обыкновение и что вызывало недовольство, если девушки беременели, отмечал знаток русского обычного права Е.И. Якушкин [Якушкин, 1910, с. 32]. Небезупречное поведение девушки жестко увязывалось с его причинами. Ответственность за лишение девственности возлагалась на саму девушку (поскольку она или допускала подобные отношения или не допускала, исходя из известного принципа, зафиксированного информатором ЭБ из Ярославской губернии «*Сука не захочет – кобель не наскочит*» [РКЖБН 2.2, с. 198.]), во вторую оче-

редь – на ее родителей и воспитателей. Примечательно, что «уступчивость» девушки считалась простительной, если она допускала связь с мужчиной более высокого статуса (к этой категории относились даже волостные писари, не говоря уже о купцах), более богатого, и особо предосудительной, если девушка уступала бедному, польщалась на «мужика» [РКЖБН 4, с. 165]. Богатство, более высокий социальный статус были понятными и объяснимыми мотивами, заставлявшими девушку «грешить», материальные выгоды извиняли ее «грех». Как не вспомнить тут известные строки Н.А. Некрасова, которые в силу жизненности ситуации, в них переданной, стали песней:

... Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Расступись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

Примеры такого рода легко множатся при чтении записей информаторов ЭБ. Нередки и типичны они для дореформенного времени. Так, по рассказу крестьянки Федоры Тимофеевой (Пошехонский уезд Ярославской губ.), помещик приезжал в свою вотчину на охоту и жил у старосты в деревне по три-четыре дня. Каждую ночь к нему приводили крестьянскую девушку «по наряду» старосты. В другой его деревне, у самой усадьбы, число незаконнорожденных детей было вдвое больше, чем в целом в приходе [РКЖБН 2.1, с. 503]. Другой помещик, «В.П. Караулов... не пропускал случая "первой ночи", а когда не было свадеб, рассылал старост и преданных ему старух для выбора молодых красивых девиц и женщин» [РКЖБН 6, с. 374]. Поставка барину девушек и женщин было той натуральной повинностью, которую крестьянки воспринимали равнодушно: «На то и барин, кого хочет, того и любит» [РКЖБН 6, с. 246; Шашков, 1879, с. 255] – и крайне редко (но все же случалось!) обращались в суд с претензией [Шашков, 1879, с. 255–256; Загоровский, 1884, с. 419]. Помимо жесткой гендерно-феминистской оценки таких ситуаций (имеем в виду субъектность женщин, выступающих как товар) напрашивается комментарий, строящийся на традиции «улучшения крови» в замкнутых сообществах, использования всякой возможности расширения круга вступающих в интимные связи во имя более здорового потомства.

Особо же стоит подчеркнуть отличие описанной ситуации повинности или добровольного исполнения воли старших от ситуации, когда девушка «спутывалась по любви». Последнее было неизвинительным и приписывалось особой порочности и развращенности согрешившей: девственность считалась особым природным «даром», который давался каждой, и бедной, и богатой, и важно было этот дар сохранить, а не поддаваться чувствам и привязанностям. Любопытно также, что в зажиточных семьях на сохранность «девства» могли смотреть сквозь пальцы: с богатой девушкой все хотели породниться, вот почему один из информаторов ЭБ из Калужской губ записал: «имущественный достаток невесты при выходе в замужество часто покрывает отсутствие в ней целомудрия» [РКЖБН 3, с. 430]. Так что этические нормы, конечно, существовали, но не для всех. В центральных губерниях для венчания девушки, не сумевшей сохранить девственность, запросто читали особую очистительную «молитву девке-родильнице». После нее девушка получала очистительную память от поповских старост, коим поручалось исследование дел о добрачных рождениях [Снегирев, 1833, с. 33]. Крайне редко священник назначал епитимью, и согрешившая тогда трижды должна была на коленях обползти церковь. Есть данные, что уже в начале XX в. у русского населения на Украине этот способ поношения и опозоривания молодой почти исчез [Чижикова, 1978, с. 176; Кистяковский, 1872, с. 20]. Этические постулаты заместились денежными отношениями: вместо обычая позорить лишившуюся девственности часто священник обязывал молодую поработать у него несколько дней.

Однако далеко не каждый мужчина согласен был лишиться такого мощного инструмента, обеспечивающего зависимость и подчиненность женщины. Обряд проверки целомудренности бытовал, если судить по записям, на протяжении пореформенного времени [Быт..., 1993, с. 259], описаны случаи отказа жить с женой, когда после первой брачной ночи обнаруживалось, что она вышла замуж не невинной [РКЖБН 6, с. 454]. В пореформенное время молодой муж, обнаружив нецеломудренность жены, обычно старался не столько отказаться от нее или опозорить, сколько добиться прибавки к приданому (обсуждение этого именовалось «у тестя на яичнице») [Там же, с. 363-364]. Девушки и молодые женщины знали, разумеется, о такой возможности «урегулирования отношений».

В пореформенный период с его развитием рыночных отношений, имущественным и соци-

альным расслоением произошла еще большая переоценка ценностей в интимно-сексуальной сфере. Добрачные связи стали еще более распространенным явлением, и немалым толчком к этому стало развитие отхожих промыслов в губерниях Центрально-Промышленного района и примыкавшим к ним [Мухина, 2010, с. 60–64; 2012, с. 148–149]. Мужья-отходники навевались домой раз в год-полтора, в городах они становились нередко посетителями публичных домов, заводили посторонние связи. Оставшиеся дома дочери и жены тоже решались на нарушение запретов, хотя как признавались сами крестьянки, иной раз в деревне оставалось так мало мужчин репродуктивного возраста, что «всякая дурь просто не шла в голову»: в «бабьей стороне» просто не с кем было ни завести добрачные отношения, ни изменить в браке [РКЖБН 1, с. 217; 2.1, с. 462; 3, с. 92; 6, с. 420; Быт..., 1993, с. 262].

Мнение о том, что строительство железных дорог, близость к деревне строящихся городов и фабрик, постой солдат на селе способствовали размыванию старых нравственных норм, полностью подтверждается при обращении к данным информантов ЭБ рубежа XIX и XX вв. [РКЖБН 5.3, с. 306; 6, с. 420; Быт..., 1993, с. 262]. Молодые жены отсутствовавших мужей не стеснялись: «всегда готовы [были] предложить свои услуги, в особенности за деньги» [РКЖБН 1, с. 70]. Вернувшийся через несколько лет с заработков муж мог найти у себя дома сразу нескольких детей. Но соседи и крестьянский мир постепенно начали смотреть на эти факты снисходительно, об оставленных молодых женах говорили: «Девка в соку, без мужика ей никак невозможно» (Костромская губ.) [Там же].

Отношение к добрачным и внебрачным связям становилось со временем все более терпимым, при этом двойной стандарт (большее осуждение девушек и женщин, меньшее – парней и женатых мужчин) сохранялся. Но какую бы терпимость к нарушениям ни проявляли соседи-крестьяне, все же на безнравственную девушку и жену-греховодницу смотрели именно с осуждением. Случаи супружеской неверности в одной деревне или селе были в целом нечастыми [РКЖБН 5.4, с. 212], а в соседней волости (где нарушительниц было немало) – нередкими, и на них смотрели сквозь пальцы [Там же, с. 230]. В практику вошел даже такой необычный способ пополнения девичьего приданого, как отношения с пожелавшим того заезжим гостем (как в стихах А.Н. Некрасова). Тем родителям, которым удавалось «поладить» с гостем, за пользование девушкой отдавалось до 100 руб., которые и входили тогда в состав ее приданого (Саратовская губ.) [Харузин, 1887, с. 15].

Отношения между супругами, замеченными в неверности, на рубеже веков тоже довольно значительно варьировались, хотя двойной стандарт в этой области был особенно ощутим. При живом муже, особенно не находящемся на заработках, крестьянки, как правило, себе «друзей» не заводили (Калужская, Нижегородская, Вологодская губ.) [РКЖБН 3, с. 325–326; 4, с. 236; 5.2, с. 710]. А если такое случалось, то муж вправе был наказать жену жестокими побоями, изгнанием из дома; муж отказывал жене в содержании, и суд не становился на ее защиту (Тверская, Ярославская, Калужская, Вологодская губ.) [РКЖБН 1, с. 472, 478; 2.2, с. 197; 3, с. 328, 551; 5.2, с. 710; 5.4, с. 212]. На такую реакцию он имел право: действовавшие тогда законы вменяли жене в обязанность подчинение мужу. Да и по нормам обычного права муж был почти полновластным господином своей жены и детей.

На обнаружение неверности жены обычной реакцией мужа были жестокие побои, тому имеется множество свидетельств [РКЖБН 1, с. 217; 2.1, с. 462–465; 3, с. 317; 4, с. 150; 5.4, с. 230; 6, с. 420; Шашков, 1879, с. 137–138]. Нежелание мужа наказывать неверную жену могло вызвать осуждение и насмешки в крестьянском обществе, воспринималось как подрыв основ, постыдная слабость и неспособность быть главой семьи [РКЖБН 4, с. 150].

Побои и мучения неверных жен были самой распространенной реакцией обманутых мужей. В свое время «вывод» («выводом» в русском быту именовалось истязание женщины за супружескую неверность) так потряс 23-летнего Максима Горького – он увидел его в июле 1891 г. в деревне Кандыбовке, Херсонской губернии Николаевского уезда – что легло в основу рассказа «Вывод»¹ [Горький, 1895]. Такие способы наказания были типичны для всей Европейской России. Они могли определяться решениями крестьянского схода, а муж в этом случае был только исполнителем общественного приговора [Якушкин, 1875, с. XXXXIII]. Так, в Пошехонском уезде Ярославской губернии муж, заставший жену с любовником, привязал ее рядом с запряженной лошадей, сам сел в телегу и поехал на лошади и жене, ударяя кнутом «по лошади раз, а по жене два, так и ехали 8 верст». От побоев жена умерла².

Соблюдение супружеской верности было прописано гражданскими законами и правилами церкви для обоих супругов, но по обычаю оно больше требовалось от жены, чем от мужа, ведь следствием неверности могло быть появление внебрачного ребенка, который с известной долей вероятности мог заявить позже свои права на имущество при его разделе. Лишь в том случае, если муж «отбивался от дома», разорял семейное хозяйство, а прибыток нес к любовнице, это как-то каралось: его по обычаю могли лишить старшинства в семье и передать старшинство брошенной жене или другому, младшему, мужчине в семье [Пахман, 1879, с. 100–103; РКЖБН 4, с. 148–149]. Такие случаи тоже бывали, но реже обычных тайных связей. Да и их виновницы-женщины отнюдь не всегда свято чтит писанные и неписанные законы, и чем ближе к рубежу веков тем чаще. Так, одна крестьянка в Ярославской губернии, нанявшись в зажиточную семью батрачкой, сумела заинтересовать собою 80-летнего главу семьи, слабеющего рассудком. Втершись к нему в доверие, она стала убеждать его распродавать ценности и отдавать прибыток ей. Жена и домашние обратились к земскому начальнику, и над горе-любовником как над слабоумным и расточительным была учреждена опека [РКЖБН 2.2, с. 28]. Или другая ситуация: узнав об измене мужа-крестьянина, жена его обычно устраивала скандал, могла и поколотить любовницу, сорвать на людях с нее платок, вцепиться в волосы, вымазать дегтем ворота, выбить стекла. Черный деготь имел символический смысл очернения, оскорбления женской чести. За насилие над любовницей мужа иные жены подвергались наказанию, но судебное преследование было непоследовательным и слабым, проступок объяснялся аффектом (Ярославская, Нижегородская, Тульская губ.) [РКЖБН 2.1, с. 463; 4, с. 149; 6, с. 420]. Довольно распространенным было полное равнодушие крестьянок к связям мужей на стороне, пока их супруги не начинали тратиться на любовниц и тем самым наносить ущерб хозяйству [РКЖБН, 2.1, с. 465]. Иногда православные крестьянки особенно переживали за связь мужа-отходника с иноверкой, особенно когда ей начинали перетекать с таким трудом заработанные рубли: «Разве я о том плачу, что он изменил мне, – признавалась одна из респонденток информатору ЭБ. – Я о том плачу, что он с еврейкой связался. Ведь это хуже, чем еврея убить» [РКЖБН 3, с. 34].

Нам трудно судить о том, переживали ли и насколько глубоко принимали к сердцу наказание прелюбодеев в деревне сами крестьянки: случалось, что виновника «нестроения» в чьей-то супружеской жизни избивали всей деревней, но в целом мужчин-прелюбодеев судили много снисходительнее, чем, скажем, воров. До суда дела о супружеской неверности доходили очень редко, крестьянский мир сам вершил судьбу согрешившего [Соловьев, 1878, с. 14–15; 1900, с. 282].

Иное дело – жена-прелюбодейца, на ее защиту крестьянский мир не вставал никогда: «Мы тебе, голубушка, не потатчики, – говорили ей. – Умела блудить, умей и беду прекратить: ступай с Богом, откуда пришла» [Соловьев, 1900, с. 292–293]. Современная жесткость в отношении нарушившей супружеский обет и двойной стандарт по отношению к мужчинам и женщинам – как раз из тех времен. Жалоба на неверных жен волостным судьям считалась позором: «всякий дураком назовет подавшего» [РКЖБН 2.1, с. 462; 6, с. 420]. В четырех томах «Трудов комиссии по преобразованию волостных судов», относящихся к Европейской России и содержащих описания тысяч дел, кратко изложенных более чем на 2700 страницах, нет ни одного дела о супружеской неверности мужа [Труды..., 1873–1874], в целом они были вообще необычайно редки (нам удалось найти всего пять) [Племянников, 1891, с. 13–14]. Одна неверная жена согласно приговору была подвергнута аресту на 7 дней, другой «прописали» 10 ударов розгами [Пахман, 1879, с. 388–390].

При жалобах жен на неверность мужей суды обычно такие дела оставляли без последствий как недоказанные [РКЖБН 2.1, с. 463]. Между тем ситуация была более чем распространенная: из-за многократных родов и непосильной работы практически любая крестьянка к 45 годам превращалась в старуху: «40 лет – бабий век» [РКЖБН 1, с. 471; 2.1, с. 462; 2.2, с. 151; 4, с. 152], а их супруги-одногодки запросто могли себе найти и находили «утешительниц» на стороне.

Если любовницу заводил вдовец или холостой, то ее положение мало отличалось от положения жены – она была хозяйкой в доме. Такие женщины пользовались уважением, и к ним, даже невенчанным, относились иной раз как к законным женам («Жена не жена, а почитай, что жена»). Очень часто, если не в большинстве случаев такие связи заканчивались браком [РКЖБН 2.1, с. 462–463]. Иное положение было у любовницы женатого крестьянина, даже если она была свободна или, скажем, вдова. На нее смотрели как на наложницу, а не как на хозяйку. Таких осуждали, девушкам запрещали знакомиться с ними, говоря: «Она, ведьма, соблазнила мужа, приворожила к себе и отвратила от жены» [РКЖБН. 2.2, с. 365; 2.1, с. 463; 4, с. 152; 6, с. 420]. При каждом случае этих жен-

щин старались попрекнуть, называя «сволочами» и «потаскушками», [РКЖБН 1, с. 472; 3, с. 317]. Их самих и их любовников срамили, протягивая между их домами нитку («телеграф»), соединяя их дома клочками соломы («соломенной дорогой»), старались сделать посмешищем для всей деревни [РКЖБН 2. 1, с. 463].

Однако чем более распространялось отходничество, а город приближался к деревне, тем менее прочными становились браки, заключенные, казалось бы, на всю жизнь, особенно когда речь шла о браках между несимпатизировавшими друг другу [РКЖБН 1, с. 217; 2.1, с. 462; 5.4, с. 212; 6, с. 420; Соловьев, 1900, с. 294]. Если известная героиня пушкинского романа в стихах, выданная замуж в 13 лет, вспоминала: «...В эти лета мы не слыхали про любовь; А то бы согнала со света меня покойница свекровь»³, то ее одногодки в конце того же XIX в. и замужем еще не были (брачный возраст увеличился), и «про любовь», выходя замуж, слыхали. И хотя брачный договор все еще оставался разновидностью сделки, которую заключали родители, большая разрешительность в отношении внутрисемейных дел тоже была чертой времени, особенно – когда, как выяснялось уже после заключения договора, муж оказывался физически не способен к исполнению супружеских обязанностей. По российскому законодательству физическая неспособность к браку могла служить основой для его расторжения, если она была выявлена до вступления в брак, а для того требовалось добровольное медицинское освидетельствование [Абрамов, 1900, с. 24–25]. Выходило так, что физические недостатки женихов, как и невест, старались не выявить, а скрыть. А несчастной «молодайка», вышедшей столь неудачно замуж, крестьянский мир велел не расходиться: «Судьба ее значит такая, такое уж ее “счастье”, и нарушать закон из-за этого нельзя» [РКЖБН 2.2, с. 376]. Обнаружив у мужа половое бессилие, жена обычно никому об этом не рассказывала. И если не помогли знахарки и ведуньи, знавшие нужные травы, просто заводили любовника, стараясь, чтобы «муж о том не прознал» [РКЖБН 2.1, с. 462; 2.2, с. 197; 4, с. 168]. Нами обнаружен случай, когда крестьянка-красавица 28 лет вышла замуж за вдовца, который оказался импотентом, преследовавшим свою избранницу ревностью, поначалу беспричинной. Начавшийся разлад в семье «молодайка» погасила, найдя себе любовника, скрыв эту связь и оставаясь заботливой супругой [РКЖБН 2.1, с. 464]. К концу же столетия, как признавались информаторы ЭБ, все чаще случались «ропусуты» молодых жён с бессильными в половом отношении супругами [РКЖБН 3, с. 552].

Степень разрешительности нестандартного, свободного поведения девушек и женщин все чаще оказывалась в зависимости и от характера занятий их мужей. Так, в земледельческих селах (например, Нижегородской губ.) относились гораздо строже к соблюдению принятых норм половой морали, чем в торгово-промышленных районах с их близостью к фабрикам, пристаням, соблазнами городской жизни [РКЖБН 4, с. 159]. Иногда побуждением к нарушению запретов было желание принарядиться, погоня за городской модой [РКЖБН 4, с. 158], а способом быстрого заработка – торговля своим телом. Вдовы, работницы, появившиеся в деревне именно для участия в летних работах, нередко стали вступать в недолговременные внебрачные связи, иногда на два-три летних месяца, просто «за хлеб» [РКЖБН 1, с. 70; 2.1, с. 503; 2.2, с. 379; 5.1, с. 462–465; 6, с. 246]. Считать это проституцией как формой профессиональной занятости, конечно, нельзя. Значительное количество таких женщин жили «с одним другом», меняя таких друзей на следующий год или через полгода [РКЖБН 2.2, с. 200].

В установлении этих недолговременных и неявных для соседей отношений немалую роль играли одинокие пожилые «сводни», пускавшие к себе пары за небольшую плату. Это им давало скудные средства на жизнь. Встречались и весьма опытные в делах знакомств и поиска пары молодые женщины, которые занимались сводничеством и тем были славны в деревне, хотя слава их и была сомнительной [РКЖБН 2.1, с. 504; 2.2, с. 199, 380; 3, с. 329; 4, с. 168; 5.3, с. 306].

Известны случаи «уступки» мужьями жен состоятельным людям (разумеется, за деньги), а если о связи становилось известно соседям, практика предписывала лишь условно, напоказ «проучить» жену, чтобы не вызывать смеха соседей (Ярославская, Смоленская губ.) [РКЖБН 2.1, с. 463; Пахман, 1900, с. 67]. Мнения и согласия жен в таких случаях, понятно, никто не спрашивал. Одним из информаторов ЭБ описан случай, по сути, обычного свинга: двое друзей и соседей временами обменивались («делились») женами [РКЖБН 3, с. 557]. При разнице статусов мужа и приобретателя временной любовницы (в лице его жены) иногда даже заключалась устная сделка с оговариванием условий. Известен случай во Владимирской губернии, когда в результате такой связи родилось двое детей и любовник стал их приемником. Более того, он отдал в льготную аренду семье

участок земли и все необходимое для хозяйства [РКЖБН 2.2, с. 375]. За плату мужа могли отдать жен приказчикам (Санкт-Петербургская губ.) [РКЖБН 6, с. 365].

Описаны случаи, когда молодые девушки начинали заниматься проституцией по настоянию родителей. Сельская проституция на рубеже веков стала весьма распространенным явлением и в отличие от городской не учитывалась в полицейских сводках. Бедность заставляла родителей (чаще – одиноких матерей) продавать своих дочерей заезжим торговцам в надежде, что те будут о них заботиться. Но через несколько месяцев, а то и ранее, таких девушек бросали, и они пополняли ряды деревенских проститутток. Иногда такие продажи дочерей давали возможность пополнить семейный кошелек во избежание угрозы скандала. По сути, сообщали информаторы ЭБ, к концу XIX в. некоторые дочери-проститутки могли попросту содержать своих родителей, вот почему в роли сводни часто выступала сама мать [РКЖБН 2.1, с. 503–504; 2.2, с. 200, 380].

Очевидно, что на фоне такого отношения к внебрачным связям нередко были и преступления на сексуальной почве, в том числе изнасилования. Любое насилие все-таки вызывало в русской деревне сочувствие, насильников старались подвести под суд [РКЖБН 2.2, с. 379; 5.2, с. 374–375; 6, с. 374]. Особенно отрицательно относились к изнасилованию несовершеннолетних и девушек, разбирательство передавалось в уголовное производство [РКЖБН 3, с. 329]. Чаще всего с виновника удавалось получить материальную компенсацию (примерно от 15 до 100 руб.) [РКЖБН 5.2, с. 712; 2.1, с. 47], нередко же, когда виновник был неплатежеспособен, наказанием был недолгий (недельный) арест [РКЖБН 1, с. 115].

Кровосмесительные отношения взрослых людей в отличие от изнасилований к преступлениям, рассматриваемым гражданским судом, чаще всего не относились, а церковным властям о том не сообщали, «не доносили и не укоряли в глаза» (Ростовский уезд Ярославской губ.) [РКЖБН 2.2, с. 380]. К внутрисемейному решению вопроса об обретении подруги не на стороне, а в собственном доме нередко подталкивали родители. Сохранился эпизод, описанный в Вятской губернии, когда мать прямо сказала сыну, что негоже связываться «с потаскухами», «вон, ведь, есть свои кобылы», указав на дочерей [Шашков, 1879, с. 29–30; Смирнов, 1877, с. 105–106]. В целом в деревне к таким ситуациям относились либо равнодушно, либо отрицательно. Существовало поверье, что на могилах кровосмесителей (сестер и братьев) растет табак [Максимов, 1903, с. 9], и самосейки табаков на участке – прямо указание на то, что в данной семье есть, за чем понаблюдать.

За кровосмесительную связь с малолетней (отчима или отца с дочерью) крестьянский мир мог расправиться жестоко (в Новоладожском уезде Санкт-Петербургской губ. за это топили) [РКЖБН 6, с. 374]. Кровосмесительная связь с детьми считалась тяжким грехом, и дела о ней разбирались либо властями (Калужский уезд Калужской губ.) [РКЖБН 3, с. 459], либо крестьянским миром. Описан случай, когда отец прижил детей от дочери [РКЖБН 6, с. 245], но наказание не указано. Самыми тяжкими грехами считались связи сына с матерью и, как ни странно, кума с кумой, поскольку они «стояли у общей купели перед Богом, поручались за младенца, и грех их осквернял и младенца тоже» [РКЖБН 2.2, с. 380; 3, с. 558]. Браки и связи вне брака между кумовьями были строжайше запрещены, но – случались (Костромская губ.) [РКЖБН 1, с. 185].

Менее тяжкими и менее греховными признавались интимные отношения невестки с деверем (Калужская губ.) [РКЖБН 3, с. 168, 558]. Следствием малолетства жены могло стать сожитительство зятя и тещи, упомянуты отношения со свояченицами, а также между двоюродными сестрами и братьями [РКЖБН 2.1, с. 504; 2.2, с. 201, 380; 6, с. 245].

Труднее всего в крестьянской семье приходилось молодой жене сына: на нее сразу же клал глаз свекор, подтверждений тому в литературе масса. В пореформенный период вследствие развития отхожих промыслов снохачество получило еще большее распространение (Тверская, Ярославская, Калужская, Нижегородская, Псковская, Санкт-Петербургская, Тульская губ.) [РКЖБН 1, с. 470; 2.1, с. 464, 501; 2.2, с. 200–201, 381; 3, с. 88, 169, 433; 4, с. 153; 6, с. 245, 374, 418]. «Как она, т.е. невестка, откажет ему, когда он проходу ей нигде не дает, ни дома, ни в поле, ни на овине; а как останется с ним наедине, так «усильничает», изнасилует, – сообщает корреспондент ЭБ из Калужской губ. – Да и так покою не даст: откажет ему сноха, он и ее начнет гонять, – и то не так, и другое не ладно, а придет из работы его сын, а ее муж, – он ему про сноху наговорит не знамо чего, всех соседних мальчишек к ней приплетет. А тут, если сноха поддастся ему, то она полная барыня в дому, – что хочет, то и делает; ест и пьет, что хочется; деньги всегда вольные; наряжается, как ей вздумается. Свекрова перед нею тоже пикнуть не смей, а то свекор побьет» (Мещовский уезд Ка-

лужской губ.) [РКЖБН 3, с. 553].

В этом описании – интереснейшая житейская коллизия обретения социального лифта молодой женой, которая путем уступки свекру могла стать большухой в доме. Женщины, таким образом, научились извлекать даже из малоприятных связей выгоду для себя. Так, в деревне Воронихи одна сноха хвасталась, что «таким способом» зарабатывала немалую сумму – по 10 рублей в месяц (Никольский уезд Костромской губ.) [РКЖБН 1, с. 112].

Схожую ситуацию избрания женщиной выгодной для себя житейской и жизненной стратегии описал информатор из Пошехонского уезда Ярославской губернии. Один крестьянин 37 лет женил сына на молодой красавице, чтобы самому приблизиться к ней, а затем отправил сына на заработки в Петербург. Пока сын отсутствовал, свекор сошелся с невесткой, родился внебрачный ребенок, и отец в итоге заставил сына бросить семью и дом и окончательно уехать в город [РКЖБН 2.1, с. 501]. Иногда даже и расставаться поколениям внутри семьи не приходилось. Например, есть сообщение о том, что в Пошехонском уезде Ярославской губернии свояченица одного крестьянина родила ему «в преступной связи» нескольких детей, но постепенно скандалы прекратились, и все родственники в итоге зажили вместе более или менее мирно [РКЖБН 2.1, с. 504]. Впрочем, другие информаторы описали и конфликтогенность традиций снохачества, пьянства обманутых и жестокие побои, причем женщине доставалось в таких драках не меньше, чем свекру [РКЖБН 3, с. 553; 2.2, с. 205; 3, с. 168, 557]. Снохачество было настолько обыденным делом, что при любом хорошем отношении между поколениями, семья сразу оказывалась на подозрении, говорили: «Сноху любит» [РКЖБН 2.2, с. 381].

О росте к концу века числа добрачных и внебрачных связей писали практически все информаторы ЭБ. Количество внебрачных рождений значительно увеличилось даже в земледельческих губерниях [РКЖБН 4, с. 157; 2.1, с. 199; 3, с. 329]. Женщины искали себе «милых» и в дальних деревнях, вступали в связь и с подростками, и со стариками [РКЖБН 3, с. 556-557]. Почти нормой становилось открытое сожитительство, особенно немолодых и не связанных семьями [РКЖБН 6, с. 245]. «В редкой деревне нет такой бабенки, которая бы "не пошаливала", – сообщает один из информаторов ЭБ. – Мужья, положим, не хвалят за это, но и не истязают: "Все мы люди, все чоловіки; ишо, слава Богу, хоть дити вси на меня помахну (похожи)"» (Новоладожский уезд Санкт-Петербургской губ.) [РКЖБН 6, с. 365].

Женщины, ушедшие из деревни в город на заработки, очень часто зарабатывали именно торговлей своим телом [РКЖБН 2.2, с. 380; 3, с. 329; 5.2, с. 462–464; 5.3, с. 306]. Не менее четверти, а то и трети всех проституток в домах терпимости составляли крестьянки и солдатские «женки», а также дочери (ведь и большая часть солдат также происходила из крестьян) [Шапков, 1879, с. 333–334; Бабинов, 2004, с. 526]. Вдовы, бобылки – все они были «не прочь продать себя за деньги или хороший подарок желающему» [РКЖБН 2.2, с. 199]. «Не от пения соловья, восхода и захода солнца разгорается страсть у солдатки, а от того, что она является невольной свидетельницей супружеских отношений старшей своей невестки и ее мужа, – сообщал корреспондент ЭБ. – Всколыхнет и в ней чувство, и за эту вспышку она дорого заплатит. Даже иногда ценой всей жизни. Родится ребенок и родится как-то не вовремя. Вычисления кумушек не совпадут ни с возвращением мужа из солдат, ни с временной побывкой его. Злословие не пощадит такую мать, ее мужа и ребенка...»⁴.

Город давал деревне не только лучшее из своей культуры; принципы организации домов терпимости в русских селах стали известны тоже благодаря контактам с городской жизнью. [РКЖБН 2.2, с. 200; 3, с. 329; 4, с. 160; Быт..., 1993, с. 276]. В д. Чудинове (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.) в домах двух женщин собирались молодые люди не только из своей деревни, но и из соседних. Заранее извещали, сколько будет гостей, хозяйки доставляли нужное количество женщин. Таким промыслом занимались не только замужние, оставленные мужьями-отходниками, но и девушки-сироты, иные – прямо при родителях. Рассказывали, что некая дочь мельника из тех краев (Аннушка, «бой-девка») сама созывала подружек, а когда никого не находилось, обслуживала гостей одна [РКЖБН 5.3, с. 469].

О размывании нравственных устоев можно было делать вывод, когда речь заходила о монахах и «молодых, здоровых, праздных монастырских послушниках», часто заводивших интрижки с женщинами из соседних сел. Информатор Даниловского уезда Ярославской губернии сообщал, что в самом монастыре полиция иной раз находила замужних проституток, которые обслуживали монахов с ведома мужей. Мнение самих женщин информаторы не привели [РКЖБН 2.2, с. 81–82].

Аналогичные примеры можно найти и в описании повседневья (Кадниковский уезд Вологодской губ.) [РКЖБН 5.2, с. 631–632].

Подводя некоторые итоги, следует подчеркнуть именно перемены, заметные при сопоставлении жизни русской деревни в начале и в конце XIX в. Обновление всех сторон жизни в пореформенный период коснулось и положения крестьянок. Патриархальный гендерный контракт начал размываться, происходившие изменения затронули и область интимно-сексуальных отношений. Незамужние женщины (а тем более неженатые мужчины) переставали быть исключением, как и внебрачные сожителства, что стало качественно новой демографической чертой российского общества. При сохранении неполноправия женщин в крестьянских семьях, их зависимости от решения старших и властных стоит вспомнить о тех переменах, которые подготовили все те концепции «нового быта», которые в 1920-е гг. пытались внедрить (а отчасти и внедрили) пришедшие к власти большевики. Не только большая свобода в выборе полового партнера и устройстве личной жизни была следствием проникновения в русскую деревню городского уклада. Многообразные формы социально-девиантного поведения пришли в деревню задолго до «разрешительных» декретов большевиков.

Примечания

¹ В рассказе отражено действительное событие – избиение Сильвестром Гайченко своей жены Горпыны, случайным свидетелем чего явился писатель, бросившийся на защиту истязуемой женщины, за что был до полу-смерти избит мужиками.

² Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 43. Л. 53.

³ Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. 3. Строфа 18.

⁴ Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 5.

Библиографический список

Абрамов Я.В. Развод. СПб., 1900.

Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература / сост. Н. Богомолов. М., 1996.

«А се грехи злые, смертные ...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. / подгот. Н.Л. Пушкаревой, Л.В. Бессмертных. М., 2004.

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки. М., 1997.

Бабиков К.И. Проституция в России // «А се грехи злые, смертные ...». М., 2004. Кн. 3.

Безгин В.Б. Девиантность в интимной жизни русских крестьян (вторая половина XIX – начало XX в.) // Белые пятна российской и мировой истории. 2011. № 1.

Безгин В.Б. Скрытая повседневность (половые отношения в русской деревне конца XIX – начала XX в. // Клио. 2004. № 3 (26).

Безгин В.Б. Прелюбодеяние и блуд в жизни русского села (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы российской истории в исследованиях тамбовских ученых: сб. статей междунар. науч. конф. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2010.

Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993.

Горький М. Вывод [Электронный ресурс]. URL: <http://home.mts-nn.ru/~gorky>. (дата обращения: 22.11.2012)

Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2007.

Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: в 2 т. М., 1999.

Загоровский А.И. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884.

Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.

Кистяковский А.Ф. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Тр. этногр.-стат. экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Импер. РГО. Т. 6. Юго-Западный отдел. СПб., 1872.

Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М., 1997.

Кон И.С. Вкус запретного плода: сексология для всех. М., 1997.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

- Мухина 3.3. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.) // *Женщина в рос. обществе.* 2010. № 3 (56).
- Мухина 3.3. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в.) // *Этногр. обозрение.* 2012. № 3.
- Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Т. 2: Семейные права, наследство и опека. СПб., 1879.
- Пахман С.В. Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии // *Зап. ИРГО по отделению этнографии: сб. нар. юрид. обычаев.* СПб., 1900. Т. 2.
- Племянников В.П. Указатель к решениям волостных судов // *Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина.* М., 1891. Вып. 3.
- Программа для собирания народных юридических обычаев // *Зап. ИРГО по отделению этнографии.* 1878. Т. 8.
- Программа для собирания народных юридических обычаев // *Зап. ИРГО по отделению этнографии.* 1900. Т. 2.
- Программа для собирания сведений по этнографии // *Живая старина.* 1890. Вып. I.
- Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В.Н. Тенишевым // *Быт великорусских крестьян-землепашцев (на примере Владимирской губернии).* СПб., 1993.
- Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // *Этногр. обозрение.* 2009. № 5.
- Пушкарева Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // *Этногр. обозрение.* 1995. № 3.
- Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов X–XVII вв. // *Секс и эротика в русской традиционной культуре.* М., 1996.
- Пушкарева Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // *Этногр. обозрение.* 1997. № 6.
- Пушкарева Н.Л. Мир чувств русской дворянки конца XVIII – начала XIX века: сексуальная сфера // *Человек в мире чувств: очерки истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный.* М., 2000.
- Пушкарева Н.Л. Женщинами не рождаются (дефлорация в ритуалах народов мира) // *Секс и мы.* 2006. Лето.
- Пушкарева Н.Л. Мужское половое бессилие и его исцеление в традиционной европейской медицине // *Мужчина в экстремальной ситуации: Муж. сб. М., 2007. Вып. 3.*
- Пушкарева Н.Л. «Жену с почину берут»? (устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в.) // *Женщина в рос. обществе.* 2010. № 2.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 1): матер. «Этногр. бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губ. СПб., 2004.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 2.1): матер. «Этногр. бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 2, ч. 1. Ярославская губ. Пошехонский уезд. СПб., 2006.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 2.2): матер. «Этногр. бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 2, ч. 2. Ярославская губ. Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, ростовский и Ярославский уезды. СПб., 2006.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 3): матер. «Этногр. бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губ. СПб., 2005.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 4): матер. «Этногр. бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 4. Нижегородская губ. СПб., 2006.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 5.1): матер. «Этногр. бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 5, ч. 1. Вологодская губ. Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 5.2): матер. «Этногр. бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 5, ч. 2. Вологодская губ. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 5.3): матер. «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 5, ч. 3. Вологодская губ. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., 2007.

- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 5.4): матер. «Этногр. бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 5, ч. 4. Вологодская губ. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2008.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (РКЖБН 6): матер. «Этногр. бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губ. СПб., 2008.
- Русский эротический фольклор / под ред. А.Л. Топоркова. М., 1995.
- Секс и эротика в русской традиционной культуре / сост. А.Л. Топорков. М., 1996.
- Семенов Ю.И. Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX – начала XX в. // Этногр. обозрение. 1996. № 1.
- Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877.
- Соловьев Е.Т. Самосуды у крестьян Чистопольского уезда Казанской губ. // Зап. ИРГО по отделению этнографии, 1878. Т. 8.
- Соловьев Е.Т. Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья // Зап. ИРГО по отделению этнографии: сб. нар. юрид. обычаев. 1900. Т. 2.
- Топорков А.Л. Малоизвестные источники по славянской этносексологии (конец XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
- Топорков А.Л. Любовь, тоска и магия // Крестьянка. 2008. № 11.
- Топорков А.Л. Эротика в русском фольклоре // Рус. эрот. фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Нар. театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост. А.Л. Топорков. М., 1995.
- Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873-1874. Т. 1–3, 6.
- Харузин М.Н. Программа для собирания сведений об юридических обычаях. М., 1887.
- Чижикова Л.Н. Свадебные обряды русского населения Украины // Рус. нар. свадебный обряд. М., 1978.
- Шашков С.С. История русской женщины. СПб., 1879.
- Щербинин П. Плод страсти роковой. Солдатки и их незаконнорожденные дети в XIX – начале XX в. // Родина. 2003. № 8.
- Эрос и порнография в русской культуре / под ред. М. Левитта и А. Топоркова. М., 1999.
- Якушкин Е.И. Обычное право: матер. для библиографии обычного права. Ярославль, 1875. Вып. I.
- Kon I.S. The Sexual Revolution in Russia From the Age of the Czars to Today. New York, 1995.
- Worobec C.D. «Tempters or Virgin?»: The Precarious Sexual Position of Women in Postemancipation Ukrainian Peasant Society // Slavic Review. 1990. Vol. 49 (2). P. 227–238.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.08.2012

WOMEN AND FEMININE FEATURES IN TRADITIONAL RUSSIAN CULTURE OF SEXUAL (BEFORE AND AFTER «THE GREAT REFORMS» OF XIX C.)

Z.Z. Mukhina, N.L. Pushkareva

Institute Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklai of Russian Academy of Sciences, Leninsky ave, 32a, Moscow, Russia 119991
pushkarev@mail.ru

The article is devoted to the intimate life of a peasant woman which had got a relatively little attention previously. The main attention is paid to the influence of post-reform situation to that area of social relations. Attention is drawn to diverse forms of social and deviant behavior of a Russian peasant woman, which were shaking the foundations of patriarchy.

Key words: women's history, Ethnography and Gender, Russian peasant woman, tradition, sexual culture.

References

- Abramov Ya.V. Razvod. Saint-Petersburg, 1900.
- Anti-mir russkoy kul'tury. Yazyk. Fol'klor. Literatura / Sostavtel' N. Bogomolov. Moscow, 1996.

- «А се грекхи злые, smertnye ...»: Russkaya semeynaya i seksualnaya kul'tura glazami istorikov, etnografov, literatorov, fol'kloristov, pravovedov i bogoslovov XIX – nachala XX veka. V 3 knigakh / Izdaniye podgotovili N.L. Pushkariova, L.V. Bessmertnykh. Moscow, 2004.
- Afanasiev A.N.* Narodnye russkie skazki ne dlja pečati, zavetnye poslovitsy i pogovorki. Moscow, 1997.
- Babikov K.I.* Prostitutsia v Rossii // «А се грекхи злые, smertnye ...». Kniga 3. Moscow, 2004.
- Bezgin V.B.* Deviantnost' v intimnoy zhizni russkikh krestian (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) // Belye piatna rossiyskoy i mirovoy istorii. 2011. № 1.
- Bezgin V.B.* Skrytaya povsednevnost' (polovye otnoshenia v russkoy derevne kontsa XIX – nachala XX veka) // Klio. 2004. № 3 (26).
- Bezgin V.B.* Prelyubodeaynie i blud v zhizni russkogo sela (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) // Problemy rossiyskoy istorii v issledovaniyakh tambovskikh uchionykh: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2010.
- Byt velikoruskikh krestian-zemleposel'tsev. Opisanie materialov etnograficheskogo byuro knyazya B.N.Tenisheva (na primere Vladimirskoy gubernii). Saint-Petersburg, 1993.
- Eros i pornografiya v russkoy kul'ture / Pod redaktsiey M.Levitta i A.Toporkova. Moscow, 1999.
- Gorky M.* Vyvod [Elektronnyy resurs] URL: <http://home.mts-nn.ru/~gorky>. Vpervye napechatano: Samarskaya gazeta. 1895. № 44 (26 fevralya).
- Gromyko M.M.* Mir russkoy derevni. Moscow, 1991.
- Gromyko M.M., Buganov A.V.* O vozzreniyakh russkogo naroda. Moscow, 2007.
- Kabakova G.I.* Antropologiya zhenskogo tela v slavianskoy traditsii. Moscow, 2001.
- Kharuzin M.N.* Programma dlya sobiraniya svedeny ob yuridicheskikh obyachakh. Moscow, 1887.
- Kistiakovskiy A.F.* Volostnye sudy, ikh istoriya, nastoyatshaya ikh praktika i nastoyatshее ikh polozhenie // Trudy etnograficheskoy-statisticheskoy ekspeditsii v Zapadno-Russkiy kray, snariazhionnoy Imperatorskim Russkim geograficheskim obshestvom. T. 6. Yugo-Zapadnyy otdel. Saint-Petersburg, 1872.
- Kon I.S.* The Sexual Revolution in Russia from the Age of the Czars to Today. NY, 1995.
- Kon I.S.* Klubnichka na beriozke. Sexual'naya kul'tura v Rossii. Moscow, 1997.
- Kon I.S.* Vkus zapretnogo ploda: sexologiya dlya vsekh. Moscow, 1997.
- Maximov S.V.* Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila. Saint-Petersburg, 1903.
- Mukhina Z.Z.* «Devka na pore, ne uderzhush na dvore...» (O devich'ey chesti v krestianskoy srede Tsentral'noy Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka) // Zhenshina v rossiyskom obshchestve. 2010. № 3 (56).
- Mukhina Z.Z.* Plodoizgnanie i kontratsepsiya v traditsionnoy krestianskoy kul'ture Evropeyskoy Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) // Etnograficheskoye obozrenie. 2012. № 3.
- Pakhman S.V.* Obychnoye grazhdanskoye pravo v Rossii. T. II. Semeynnye prava, nasledstvo i opeka. Saint-Petersburg, 1879.
- Pakhman S.V.* Oчерk narodnykh yuridicheskikh obyachev Smolenskoy gubernii // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii, 1900. Sbornik narodnykh yuridicheskikh obyachev. T. 2.
- Plemiannikov V.P.* Ukazatel' k resheniyam volostnykh sudov // Sbornik svedeny dlya izucheniya byta krestianskogo naseleniya Rossii / Pod redaktsiey N.Kharuzina. Vyp. 3. Moscow, 1891.
- Programma dlya sobiraniya narodnykh yuridicheskikh obyachev // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. 1878. T. 8.
- Programma dlya sobiraniya narodnykh yuridicheskikh obyachev // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. 1900 // Sbornik narodnykh yuridicheskikh obyachev. T. 2.
- Programma dlya sobiraniya svedeny po etnografii // Zhivaya starina. 1890. Vypusk I.
- Programma etnograficheskikh svedeny o krestianakh Tsentral'njy Rossii, sostavlennaya khyazem V.N.Tenishevym // Byt velikoruskikh krestian-zemleposel'tsev (na primere Vladimirskoy gubernii). Saint-Petersburg, 1993.
- Pushkareva N.L.* Pozoryatshie nakazaniya dlya zhentshin v Rossii XIX – nachala XX veka // Etnograficheskoye obozrenie. 2009. № 5.
- Pushkareva N.L.* Zhentshina, semiya, seksual'naya etika v pravoslavii i katolitsizme: perspektivy sravnitel'nogo podkhoda // Etnograficheskoye obozrenie. 1995. № 3.
- Pushkareva N.L.* Sexual'naya etika v chastnoy zhizni drevnikh rusov i moskovitov // Sex i erotika v russkoy traditsionnoy kul'ture. Moscow, 1996.
- Pushkareva N.L.* Intimnaya zhizn' russkikh zhentshin // Etnograficheskoye obozrenie. 1997. № 6.
- Pushkareva N.L.* Mir tchuvstv russkoy dvoriyaniki kontsa XVIII – nachala XIX veka: seksual'naya sfera // Chelovek v mire tchuvstv. Oчерki tchastnoy zhizni v Evrope i nekotorykh stranakh Azii do nachala Novogo vremeni / Otvetstvennyy redaktor Yu.L.Bessmertny. Moscow, 2000.
- Pushkareva N.L.* Zhentshinami ne rozhdayutsya (defloratsiya v ritualakh narodov mira) // Sex i my. 2006. Leto.

- Pushkareva N.L.* Muzhskoye polovoye bessilie i ego itselenie v traditsionnoy evropeyskoy meditsine // Muzhchina v ekstremal'nykh situatsii. Muzhskoy sbornik. Vypusk 3. Moscow, 2007.
- Pushkareva N.L.* «Zhenu s pochynu berut?» (ustyditel'nye nakazaniya devushek v traditsionnoy russkoy kul'ture XIX veka) // Zhentshina v rossiyskom obshchestve. 2010. № 2.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 1.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 1. Kostromskaya i Tverskaya gubernii. Saint-Petersburg, 2004.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 2.1.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 2. T chast' 1. Yaroslavskaya guberniya. Poshekhonsky uезд. Saint-Petersburg, 2006.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 2.2.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 2. T chast' 2. Yaroslavskaya guberniya. Danilovsky, Lyubimsky, Romano-Borisoglebsky, Rostovskiy b Yaroslavskiy uезdy. Saint-Petersburg, 2006.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 3.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 3. Kaluzhskaya guberniya. Saint-Petersburg, 2005.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 4.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 4. Nizhegorodskaya guberniya. Saint-Petersburg, 2006.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 5.1.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 5. T chast' 1. Vologodskaya guberniya. Vel'skiy i Vologodskiy uезdy. Saint-Petersburg, 2007.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 5.2.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 5. T chast' 2. Vologodskaya guberniya. Gryazovetskiy i Kadnikovskiy uезdy. Saint-Petersburg, 2007.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 5.3.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 5. T chast' 3. Vologodskaya guberniya. Nikol'skiy i Sol'vychevodskiy uезdy. Saint-Petersburg, 2007.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 5.4.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 5. T chast' 4. Vologodskaya guberniya. Totemskiy, Ust'sysol'skiy, Ustyugskiy i Yaremnyy uезdy. Saint-Petersburg, 2008.
- Russkie krestiyane. Zhizn'. Byt. Nnavy. (RKZHBN 6.): materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N.Tenisheva. T. 6. Kurskaya, Moskovskaya, Olonetskaya, Pskovskaya, Saint-Petersburgskaya i Tul'skaya gubernii. Saint-Petersburg, 2008.
- Russkiy eroticheskiy fol'klor / sostavitel' i redaktor A.L.Toporkov. Moscow, 1995.
- Sex i erotika v russkoy traditsionnoy kul'ture / Sostavitel' A.L.Toporkov. Moscow, 1996.
- Semenov Yu.I.* Perezhitki pervobytnykh form otnosheniy polov v obychnykh russkikh krestian XIX – nachala XX veka // Etnograficheskoye obozrenie. 1996. № 1.
- Shashkov S.S.* Istoria russkoy zhentshiny. Saint-Petersburg, 1879.
- Smirnov A.* Ocherki semeynykh otnosheniy po obychnomu pravu russkogo naroda. Moscow, 1877.
- Soloviov E.T.* Samosudy u krestian Tchistopol'skogo uезда Kazanskoy gubernii // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. 1878. T. VIII.
- Soloviov E.T.* Prestupleniya i nakazaniya po ponyatiyam krestian Povolzh'ya // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii, 1900. Sbornik narodnykh yuridicheskikh obyayaev. T. II.
- Toporkov A.L.* Maloizvestnye istochniki po slaviyanskoj etnosekologii (konets XIX – nachalo XX veka) // Etnicheskiy stereotypy muzhskogo i zhenskogo povedeniya. Saint-Petersburg, 1991.
- Toporkov A.L.* Lyubov', toska i magiya // Krestianka. 2008. № 11.
- Toporkov A.L.* Erotika v russkom fol'klore // Russkiy eroticheskiy fol'klor / sostavitel' i redaktor A.L.Toporkov. Moscow, 1995.
- Trudy komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov. T. 1-3, 6. Saint-Petersburg, 1873-1874.
- Tchizhikova L.N.* Svadebnye obyady russkogo naseleniya Ukrainy // Russkiy narodny svadebny obyad. Moscow, 1878.
- Tsherbinin P.* Plod strasti rokovoy. Soldatki i ikh nezannorozhdionnye deti v XIX – nachale XX veka // Rodina. 2003. № 8.
- Yakushkin E.I.* Obychnoye pravo. Materialy dlya bibliografii obychnogo prava. Vypusk I. Yaroslavl', 1875.
- Worobec C.D.* «Tempters or Virgin?»: The Precarious Sexual Position of Women in Post-emancipation Ukrainian Peasant Society // Slavic Review. 1990. Vol. 49 (2). P. 227-238.
- Zagorovskiy A.I.* O razvode po russkomu pravu. Khar'kov, 1884.
- Zavetnye chastushki iz sobraniya A.D.Volkova. V 2 tomakh. Moscow, 1999.